

(компьютеризация, нарастание потоков финансовой информации и т.д.). Здесь наглядно проявляются те «нелинейные» закономерности, которые раскрываются посредством синергетического подхода, особенно роль «слабых» воздействий и малых флуктуаций и даже катастрофические последствия. Что касается дестабилизации финансовой сферы в России, то она, по мнению автора, связана, прежде всего, с деструктивным действием внутренних факторов. Результатом непродуманного внедрения рыночных отношений и постсоветского кризиса стало не только массовое разорение, принявшее поистине катастрофические масштабы, но и утрата доверия

широких слоев населения к финансовым институтам.

В связи с этим очень важно определение социальных ориентиров финансовой стабилизации. Финансовая политика должна быть тесно увязана с социальной политикой, должна способствовать реализации стабилизирующих функций социального государства. Это объективно обусловленное требование, поскольку от финансовых неурядиц страдают не только бизнесмены, банкиры, финансисты, а в первую очередь рядовые труженики.

Примечания

¹ Осинов Ю. Основы теории хозяйственного механизма. М., 1994. С.95.

УДК 316.347(470+571)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Т.В. Поликарпова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: Polikarpovavt@info.sgu.ru

Статья посвящена социологическому исследованию феномена российского менталитета. Анализируются социально-экономические факторы его формирования. Показывается актуальность исследования данного феномена, определяющаяся существующей прямой связью между современными реалиями России и ее менталитетом.

Social-Economical Peculiarities of Russian Mentality Forming

T.V. Polikarpova

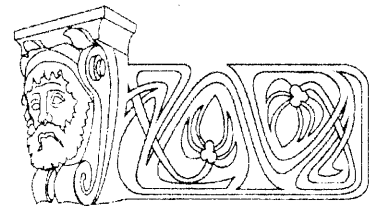
The article is dedicated to the sociological research of the phenomenon of Russian mentality. The analysis is carried out of the social-economical factors of its forming. The actuality of this research explained by the direct connection between the Russian's realities and the Russian mentality.

В последние годы проблематикой национального менталитета интересуется все большее количество исследователей в разных областях знания. Л.В. Лесная рассматривает менталитет как важнейшую социологическую категорию, как понятие, характеризующее глубинную сущность социума. По ее мнению, именно в социальной сфере формируются критериальные основания и ценности, с которыми человек сверяет свое отношение к жизни своими поступками и всем своим поведением. При этом менталитет как социальная категория дополняется еще одной составляющей категорией – нравствен-

ной. Это хорошо просматривается в религиоведении, в философии. Но категорию «менталитет» полнее и ярче можно показать и раскрыть через «дуальные» категории, такие как: социально-исторические, социокультурные, социально-психологические, социально-экономические¹.

В научный оборот входят также сочетания: социальный менталитет, экономический менталитет и др. Попытки их эмпирического изучения в социологии предпринимаются путем массовых опросов населения (на их результатах основана монография под общей редакцией И.Г. Дубова). Однако и здесь авторский коллектив отмечает, что целостную характеристику менталитета можно дать только в междисциплинарной перспективе, базируясь на исторических данных, подходах социологии и социальной философии, культурологии и лингвистики².

Практика синтеза различных теоретических дисциплин позволяет обнаружить и исследовать традиционные предметы с новой точки зрения. Так, чтобы понять специфику российских экономических институтов, как совокупность норм, правил и механизмов принуждения к их исполнению, необходимо

рассмотреть глубинные установки и ценности, устойчивые психологические реакции россиян³.

Эта задача может быть решена при рассмотрении российского экономического менталитета как «исторически сложившегося долговременного унаследования, единства сознательных и бессознательных ценностей, норм и установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом воплощении»⁴.

Понимая под экономическим менталитетом совокупность готовностей, установок и предрасположений людей действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать экономическую жизнь определенным образом, можно выделить и его важнейшие составляющие:

- ценностно-мотивационное отношение к труду и богатству;
- нормы и образцы социального взаимодействия;
- стереотипы потребления;
- организационные формы хозяйственной жизнедеятельности;
- степень восприимчивости к зарубежному опыту.

Чтобы понять специфику экономического менталитета России, которым люди руководствуются в своем повседневном хозяйственном поведении, необходимо рассматривать его в историческом аспекте. «Экономическая культура отбирает экономические ценности и нормы, необходимые для выживания и дальнейшего развития экономики, накапливает эталоны соответствующего экономического поведения, транслирует из прошлого в современность ценности и нормы, лежащие в основе труда, потребления, распределительных и других экономических действий и отношений, обновляет ценности и нормы, регулирующие развитие экономики, являясь тем резервуаром, откуда черпаются новые образцы поведения»⁵.

Что касается влияния природно-географического фактора на менталитет россиян в аспекте экономического понимания, то ученые выделяют ряд особенностей.

России исторически была присуща коммунальность как устройство материально-технологической среды, при которой все ее части являются единой нерасчленимой системой и не могут быть обособлены без угрозы ее распада.

Кроме того, малая плотность населения на больших пространствах современной Рос-

сии обуславливала меньшую остроту борьбы за территорию проживания, хотя и повышала необходимость мобилизаций – коллективной защиты от внешних нападений; преобладание коллективных усилий в осуществлении трудоемкого подсечного земледелия в условиях короткого и холодного лета.

Не менее важным для формирования национальной экономической культуры оказалось и следующее обстоятельство. Согласно Ф. Хайеку, слабая заселенность территории препятствует добровольной специализации и разделению труда, а значит и эффективному использованию имеющихся ресурсов, развитию механизмов обмена и большей доходности труда. Если специализация приводит к росту индивидуальной производительности, способов передачи информации, процессам социально-экономической дифференциации, то, напротив, малая плотность населения блокирует развитие этих процессов. Если в Средние века на Западе интенсивная урбанизация способствовала индивидуализации общественной жизни, то на Руси неразвитость городов, большой удельный вес натурального хозяйства и неденежного обмена законсервировали коллективистские формы организации людей. В условиях преобладания натурального хозяйства население вынуждено было кормиться тяжким трудом, использовать примитивные методы обработки земли и формы обмена, а значит существовать в режиме выживания⁶.

Слабая заселенность территории России создавала условия и для развития экстенсивной культуры: обилие земли и других природных ресурсов ослабляло проблему их экономного использования, поэтому увеличение объемов производства шло преимущественно за счет роста количества обрабатываемых земель и в меньшей степени – за счет рационализации аграрных технологий. Возможно, поэтому и в современной экономике более развита энергетическая и сырьевая промышленность, в то время как основной упор следует делать на обрабатывающую, основанную на высоких технологиях.

Вернемся к природно-географическому фактору. Широта евразийского пространства, беспредельность земель и ощущение небывалых возможностей породили такую черту экономического менталитета, как небывалую удачу, которая проявляется в размахе экономической деятельности.

С одной стороны, можно привести положительные последствия проявления этого качества: например, восстановление народного хозяйства после Второй мировой войны, когда в кратчайшие сроки были вознесены гиганты-заводы. С другой стороны, надо признать, что российский менталитет всегда характеризовался наличием полярности, а порой доведением ситуации до крайности. В качестве примера достаточно вспомнить 100%-ную коллективизацию, решение о расширении посевов кукурузы от Кушки до полярного круга, сухой закон и антиалкогольную кампанию конца 80-х гг., которая обошлась стране примерно в 150 млрд долларов; программу построения рыночной экономики в России за 500 дней.

Таким образом, мы не можем отвергать мнение о том, что основа современного экономического менталитета сформировалась еще в глубокой древности. Однако следует упомянуть, что он трансформировался под влиянием тех или иных факторов исторического развития нашей страны.

Дальнейшая эволюция экономического менталитета связана со становлением государства и принятием христианства. Духовная культура, сложившаяся под влиянием православия, наложила особый отпечаток на поведение человека в сфере экономики, центральным ядром которого является идея внутреннего преобразования личности. «В основе формирования российского менталитета, — отмечает Л. Горичева, — лежало христианство, порожденное Западной цивилизацией, и наложенное на дух Востока. В результате сформировался особенный менталитет, свойства которого можно назвать парадоксом, мировосприятием “и то, и это”, резко контрастирующим с западным менталитетом, для которого характерен подход с позиции “или–или”». Это свойство российского менталитета свидетельствует об особенностях экономического поведения, и представляется важным фактором организации хозяйства в России. Русскому человеку свойственна глубина внутренней жизни, частичное передоверие личной свободы коллективу, большая степень внеэкономических составляющих хозяйственного успеха⁷.

Это обусловило формирование таких черт характера, как нравственный максимализм в делах, совестливость и честность, самоуглубленность и некоторая отрешенность

от внешнего мира. В числе свойств русского характера можно назвать смирение в работе. Главным в деле спасения души было терпение. Самоутверждение было направлено внутрь себя, на «устроение» собственной личности. Подобные факторы обуславливали сдержанное отношение к накопительству и собственности. «Этика выживания русского крестьянства и конфессиональные нормы православия обусловили существование бедности как типа культуры»⁸. Материальное благосостояние человека отделялось от его собственной активности и ответственности. Русской культуре было свойственно более терпимое, чем на Западе, отношение к неудачникам хозяйственной деятельности, помощь бедным составляла важнейшую нравственную обязанность христианина. Нищие занимали в средневековой русской культуре совершенно определенную нишу: через подаяние выполнялась заповедь о любви к ближнему.

Таким образом, нормативно закрепляются перераспределительные обычаи славянской общины, только теперь инструментом редистрибуции становится милостыня и благотворительность.

Кроме того, православное христианство усиливает фаталистические черты национального характера («все в воле Божьей»). Они проявляются и в русском языке, в котором четко видны характеристики неагентивности — неподвластности людям их собственной жизни. Неагентивность видна в недостаточной выделенности индивида как автономного агента и контролера событий, а также в любви к морали — абсолютизации моральных измерений человеческой жизни, приверженности крайним и категоричным моральным суждениям. Люди выступают не как «деятели», а скорее как «претерпеватели». Так, по утверждению Н. Бердяева, природа русского народа «определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, она всегда ждет жениха, мужа, властелина»⁹.

Фатализм национального характера обуславливает низкие ранги активностно-достижительских ценностей и в современной России, в то время как ценности, связанные с возможностью не работать, имеют в России значительно более высокие ранги, чем в западных странах. Подобная специфика мировосприятия обуславливает смысловое наполнение

таких ценностей, как свобода, труд, успех. Так, если для западной культуры типично понимание успеха как результата собственных усилий, то в русской культуре успех – это следствие везения (вспомним сказки, в которых выигрывает бездеятельный, но добрый и удачливый герой). Возможно, этим можно объяснить успех в России финансовых пирамид типа МММ, которые через навязчивую рекламу рисуют картинки фантастического обогащения. Аналогично по степени субъектности различаются западное и российское понимание свободы. В отличие от либеральной трактовки свободы как независимости и ответственности, свобода в русской культуре в сочетании с правовым нигилизмом как неотъемлемой чертой национальной общественной традиции выглядит как вольница, анархия, возможность делать «все, что хочется». Бессубъектность «свободы по-русски» фиксируется и в современных опросах общественного мнения, согласно которым материальный достаток выступает наиболее распространенным условием свободы. Упомянутая выше коммунально-материально-технологическая среда жизнедеятельности требовала «не только коллективистских форм хозяйственной жизни, но и единого централизованного управления»¹⁰.

Развитию сильного государства способствовала также необходимость внешней защиты и многовековой процесс собирания локально разобщенных русских земель. Этот фактор породил ограниченность возможности планирования своей жизни, зависимость от государства, что обуславливает примат краткосрочных целей, а будущее связано с мечтами о магическом скоробогащении. Начиная с Петра I все модернизации в России инициировались его главным агентом – государством и проводились по инициативе верхов в форсированно-мобилизационном темпе, за счет и на основе архаических структур. Обычно это оказывалось делом активного меньшинства, масса же народа чаще всего служила, по выражению А. Герцена, «мясом освобождения». В свое время А. Герцен писал: «Забота об будущем не в нашем духе; на словах готовы мы взвалить на свои плечи хоть все человечество, на деле – боимся всякого труда, всякой мысли, живем настоящей минутой. Даже материальной заботы об будущем нет; на того, кто об этом думает, в России показывают паль-

цем...»¹¹. Как правило, все неудачи тоже возлагаются на государство. Мобилизационное сознание, выработанное в условиях экономической и политической нестабильности, ориентирует человека на потребительство, а улучшение своей жизни он связывает с утопическим прыжком в лучшее будущее, радикальными общественными изменениями, везением, заботой государства¹². Можно сказать, что и современные россияне не задумываются об экономической состоятельности всей нации. Для нас характерно стремление быстрее извлечь собственную материальную выгоду, а потом будь, что будет.

С другой стороны, примат роли государства в экономической жизни обусловлен особенностью «догоняющего развития» России, исток которой – вынужденная необходимость (экономическая отсталость, военные поражения от западных стран). Так сложилось, что с давних времен для России характерно заимствование инноваций у более развитых стран. Возможно именно поэтому налицо наша излишняя доверчивость ко всему западному. Хотя у нас в России всегда было с избытком мыслителей, экономистов, ученых-исследователей, инженеров и т.п., их хватало не только родному Отечеству, но и другим державам. Однако Российское государство почти всегда отличалось безумной расточительностью по отношению к талантам, разбрасывало их без видимой жалости. Так, за три последних столетия Россия дала миру целую плеяду выдающихся экономистов. Но пользы стране это практически не принесло – их идеи на Родине, как правило, оказывались невостребованными и в лучшем случае находили применение в западных странах. Это является проблемой и современной России. В обществе преобладает небрежное отношение к собственным идеям и достижениям, медлительность и нерасторопность в использовании отечественных разработок.

Следующим фактором формирования современного экономического менталитета является долгое господство в нашей стране социалистического метода хозяйствования. Механизм взаимодействия подобной системы экономических интересов основывается на почти полном подчинении интереса отдельного человека интересу трудового коллектива, а коллективного интереса – государственному. Последний рассматривается

как господствующий, определяющий и про-
низывающий все остальные экономические
интересы. Противоречия между ними, если и
допускаются, то лишь при условии их раз-
решения не в ущерб экономическому интере-
су государства. «Отличительным признаком
института общественно-служебной собствен-
ности выступает отсутствие у какого-либо
частного лица или социальной группы всей
полноты прав на тот или иной материаль-
ный или нематериальный объект». – считает
О.Э.Бессонова¹³.

Монополия государства на средства
производства и произведенный продукт ли-
шила граждан и их коллективы возможности
выбора места приложения своего труда и
превращала все население в наемных работ-
ников государственных предприятий и орга-
низаций. Экономическая свобода товаропро-
изводителя была уничтожена, а уравнитель-
ная система распределения свела на нет по-
будительные стимулы к труду в обществен-
ном производстве. Отделенный от спроса и
предложения псевдоэкономический институт
перераспределительно-уравнительного воз-
награждения за труд в СССР, выразившийся
в политике ограничения доходов, существо-
вании «потолка зарплаты», запрете на любые
виды предпринимательской деятельности,
запрещении частной собственности, ограни-
чивал экономическую активность людей¹⁴.

Командно-распределительная система
отношений с ее жестко иерархической струк-
турой управления не только устанавливала
меру труда и меру потребления, исходя из
своих специфических интересов, но и полно-
стью исключала легальный путь реализации
экономических интересов отдельной лично-
сти или коллективов вне интересов государ-
ства и его институтов, породив тем самым
гипертрофированный патернализм государ-
ства, негативные последствия которого об-
щество будет ощущать еще длительное вре-
мя. Государство искусственно культивирова-
ло и поддерживало лишь те экономические
интересы людей, их групп, которые уклады-
вались в ценностную шкалу, включающую
определенный, постоянно лимитируемый
набор материальных благ (зарплата, премия,
квартира и т.д.), льгот, привилегий и соци-
альных гарантий. При этом их нужно было
не столько заработать своим трудом, сколько
«заслужить» у государства-собственника. По

выражению П. Сорокина, экономический ин-
ститут превращался, в «раздачу премий по-
средственности»¹⁵.

В этих условиях у определенной части
населения вторая (антимотивационная) сто-
рона экономического менталитета полностью
вытеснила первую, что привело к образова-
нию в обществе довольно значительной и
весьма устойчивой по своему социальному
составу люмпенизированной прослойки, чьи
экономические интересы не выходят за рам-
ки удовлетворения элементарных потребно-
стей при минимальных затратах.

Это явление не ново и известно со вре-
мен античного мира. Бесплатные хлеб и зре-
лица были платой римским люмпенам за их
лояльность государству. Любые попытки
ликвидировать уравнительное распределение
воспринимаются этой частью общества как
прямая угроза ее личному существованию.
С другой стороны, на уровне массового соз-
нания формировались и воспроизводились
установки на социальное иждивенчество,
патерналистское восприятие государствен-
ной власти. Человек был редуцирован для
обеспечения государственных нужд, но при
этом власть рассматривалась им как инстан-
ция заботы, хранитель и гарант социального
порядка, источник любого возможного блага.
Рабочая сила государственно-зависимого
работника в СССР перестала являться его
личной собственностью. Командно-админи-
стративная система приобрела вид работода-
теля-благодетеля, с которым было не просто
непосильно, но и безразлично говорить на
языке взаимных обязательств. Отношения с
государством выстраивались по оси «забота –
благодарность». Патернализм государства
стал парадигмой производственных отноше-
ний в СССР по отношению к своим гражда-
нам, определяемый как система устойчивых
самовоспроизводящихся отношений между
работником и государством, когда в обмен на
заданную работнику трудовую активность
ему предоставляется возможность удовле-
творения лимитированных жизнеобеспе-
чивающих потребностей. Патернализм пред-
полагает «благотворительный деспотизм» –
вмешательство государства в любые сферы
жизни человека, причем делается это без со-
гласия опекаемого. За покровительствующей
стороной признается право применять санк-
ции или поощрения с целью регулирования

поведения зависимой стороны в различных сферах жизнедеятельности. Предпосылками патерналистского менталитета является отсутствие ситуации выбора и ограниченность потребностей граждан¹⁶.

В строго контролируемом государством распорядке жизни вырабатывались эффекты, ослабляющие необходимость в собственных усилиях, и люди отказывались принимать ответственные решения, требовать от властей заботы, социальной защиты и других гарантий. Авторский коллектив под руководством Ю. Левады отмечает, что феномен "человека советского" еще долго будет присутствовать в массовом сознании населения России¹⁷.

В настоящее время российский экономический менталитет перешел на качественно иной уровень, характеризуясь определенной противоречивостью и дуализмом. С одной стороны, наблюдается новая волна роста индивидуализма, с другой – стирание общинных традиций. Однако можно сделать вывод, что современный российский экономический менталитет все же имеет определенную «рыночную предрасположенность». Ядро его – активность и рачительность – достаточно благоприятная почва для дальнейшего продвижения к рынку. В то же время данные по соотношению «рыночного» поведения с традиционным поведением говорят о ярко выраженной специфике российского экономического менталитета, даже если мы соглашаемся признать его в целом рыночным.

Примечания

¹ См.: *Лесная Л.В.* Методологические аспекты менталитета российского социума // Домоносские чтения 2002 г. Т.2 (<http://www.lib.socio.msu.ru/library=d-000-00>); *Она же.* Интерпретация понятия менталитета в российских и зарубежных источниках // Домоносские чтения 2003 г. (Электронная библиотека социологического фа-

культета МГУ // <http://www.lib.socio.msu.ru/library=d-000-00-prompt>); *Ануфриев Е.А., Лесная Л.В.* Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал. 1997. №3–6.

² См.: Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / Под общ. ред. И.Г. Дубова. М., 1997.

³ См.: *Константинова Н.В.* Философия образования // Сб. материалов конф. С.-Петербург. филос. о-ва. СПб., 2002. Вып.23. С.239–249.

⁴ См.: *Балабанова Е.С.* Особенности российской экономической ментальности // Мир России. 2001. Т.10. №3. С.67.

⁵ *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни. Новосибирск, 1991. С.111–112.

⁶ См.: *Хайек Ф.А.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.

⁷ *Горичева Л.* Экономические проблемы и национальное самосознание // Вопр. экономики. 1993. №8. С.44–53.

⁸ См.: *Розмаинский И.В.* Бедность как часть экономической ментальности субъектов постсоветской экономики в 1990-е годы // <http://www.eesocman.edu.ru/db/msg/121747.htm>

⁹ *Бердяев И.А.* Душа России. М., 1915. С.7.

¹⁰ *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000. С.57.

¹¹ *Герцен А.* Голоса из России. Письмо к издателю «Колокола». Г., 1859. Кн.IV. С.122–123.

¹² *Ваши В.В.* Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. 1997. №4. С.53–88.

¹³ *Бессонова О.О.* Институциональная теория хозяйственного развития России // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Казюгина. Новосибирск, 1999. С.35.

¹⁴ См.: *Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика и система ценностей россиян // Социс. 2001. №1. С.57–61.

¹⁵ *Сорокин П.* Проблема социального равенства // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред. А.Ю. Соколова. М., 1992. С.252.

¹⁶ *Ланьгин Ю.Н., Эйдельман Я.Л.* Мотивация экономической деятельности в условиях российской реформы. М., 1996.

¹⁷ Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю. Левады. М., 1993.

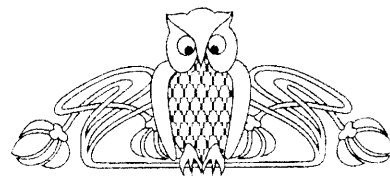
УДК 316.334.3(470+571)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И РЕГИОНЕ: ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

И.А. Бегина

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: BegininaIA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются основные теоретико-методологические подходы к исследованию социального механизма властных отношений, отражающие специфику и существенные характеристики трансформации социально-политической сферы в современных российских условиях.

Transformation of Power Relations in Contemporary Russia and in the Region: the Problems of Concept Making

I.A. Beginina

The article deals with theoretical and methodological approaches to studying social mechanisms of power relations reflecting specific and substantial characteristics of transformations in socio-political field in contemporary Russia.